

УСТАЛЫЙ АВТОБУС, ИЛИ ДОХОДНЫЕ ГАСТРОЛИ

СПЕКТАКЛЬ в Железноводской Пушкинской галерее окончился. Теперь надо сидеть в темном парке и ждать, пока рабочие сцены разберут декорации, погрузят на грузовик, увяжут. Ждать, пока все усядутся в театральный автобус. Десять минут, двадцать, тридцать.

Наконец, автобус отправляется в путь по опустевшему Железноводску. Недавно дорожки парка едва вмещали человеческий поток, а у источников стояли длинные спокойные очереди людей с курортными кружками. Теперь все рассредоточилось, исчезло. Разошлись по санаториям, скрытым в чуть окрашенной по-осеннему зелени.

Все наверняка уже спят. Только наш усталый автобус, нарушая тишину, залегшую между горой Железной и Бештау, выбирается на ночное шоссе. Он уверенно преодолевает один поворот за другим, вырывая светом фар частицу мира из окружающей плотной тьмы. Оранжевый, завалившийся на круглую спину месяц и редкие звезды только подчеркивают эту тьму. Но лица сидящих в автобусе чуть подсвечены светом, отраженным от шоссе. Я осторожно разглядываю эти лица и словно бы в первый раз понимаю, как много разного требует от человека его профессия.

Разного и порой неожиданного.

Актёр, кроме всего, что мы обычно связываем с этим понятием, должен уметь вот так привычно дремать в долгом пути, должен спокойно принимать этот путь, смеяться и петь, сидя где-то на заднем

сиденье, как смеется и поет вот эта беспокойная девушка. А завтра, еще не стряхнув с себя груз вчерашней усталости, быть готовым к новому творческому подъему, новым поискам и новым долгим переездам по жарким и тесным дневным или ночным, опустевшим дорогам...

Сколько времени, физических сил, нервной энергии забирают эти гастрольные переезды, весь особый гастрольный быт.

Всегда ли рациональны и необходимы эти затраты, всегда ли есть в них толк, смысл?

...Пока грузили декорации, администратор спросила меня:

— Ну как вам понравился спектакль?

Я растерялась. Что можно было сказать, представив себе убогое гастрольное оформление, какой-то намек на общий замысел спектакля и в то же время его очевидное отсутствие. Были лишь эпизоды, интересно сыгранные. Были две королевы (шла «Мария Стюарт»). И их соперничество. Фиглярство Елизаветы, ее ханжеская добродетель. Ее коварство и лицемерие. И была патетическая, величавая Мария Стюарт. И когда королевы говорили друг с другом, на миг забывшись жалкое бутафорское окружение, многочисленные накладки и общая неряшливость спектакля, его стихийное течение, не несущее в себе определенной трактовки. Актрисы В. Ермакова и В. Сурикова играли без скидок на неудобную сцену, на накладки. Они не считали себя вправе экономить здесь запас сво-

их творческих сил, чтобы потом где-то быть щедрыми. (То же самое было в «Стакане воды»). И это серьезное, добросовестное отношение к делу говорило о профессиональной культуре и подлинном мастерстве.

И все-таки это почти ничего не меняло. Общественная концепция, главный смысл трагедии Шиллера ускользали. Просто чувствовалось, что когда-то или где-то на другой сцене это, возможно, был интересный спектакль. Но теперь нет смысла называть имен его режиссера, художника: они уже ушли из спектакля. Нет смысла заниматься искусствоведческим анализом: драхлость не подлежит оценке на конкурсе красоты. Остается только вздохнуть, как вздыхал когда-то Гамлет над останками шута: «Бедный Йорик!»...

И подобные обидные метаморфозы совершались чуть ли не каждый вечер. Даже из новых спектаклей исчезала живая душа, тот самый непременимый стержень, ради которого спектакль, наверное, был поставлен.

Гастроли Саратовского драматического театра в том виде, в каком они проходили на Кавказских Минеральных Водах, — сплошная сутолока спектаклей, репетиций, передач по телевидению, переездов, иногда — почти без сна, иногда — без обеда, представляются мне делом, для серьезного коллектива невысказанным.

Во имя чего все это?

Во имя искусства вообще?

Во имя своего театра в частности?

Но сыграть более сорока спектаклей за 20 дней (в иной день по четыре спектакля!), причем часть из этих спектаклей — старые, затрепанные по гастролям, надоевшие самим исполнителям и все же сохраняемые (именно сохраняемые, так как «сохранившимися» их никак не назовешь) в репертуаре, очевидно, ради гастрольных нужд — не значит оказывать искусство услугу.

Показать людям, съехавшимся отовсюду, свой театр в наиболее неприглядном, невыгодном свете — не значит содействовать его доброй славе.

Я видела семь спектаклей из девяти, игравшихся на гастролях: «Марию Стюарт», «Стакан воды», «Изобретательную влюбленную», «Дамы и гусары», «Звонок в пустую квартиру», «Женский монастырь» и «Баловня судьбы» (пьеса Ю. Мачина). Мне не удалось посмотреть лишь «Трахтшовую опару» Брехта и «Миллионершу» Шоу.

Уже один этот перечень заставляет задуматься. Многие из названных пьес, разумеется, не несут в себе ничего «предвсудительного». Это порой просто хорошие пьесы. Но собранные вместе, в один репертуарный букет, они подчеркивают странную позицию театра. Только, пожалуй, «Баловень судьбы» заслуживает разговора как явление, соотношенное с современностью и ее проблемами. А в остальном как будто этот театр ни за что не борется, совершенно равнодушен к современным проблемам и проблемам вообще, ничто его не волнует, ему не хочется

ЛИТЕРАТУРА

22.07.1968